

Некоторые размышления о путях развития науки

В. Л. Янин

Хорошо известно, что исторический процесс развития любой науки на определенном этапе ведет к неизбежной дифференциации знания. Время энциклопедистов пережило предсмертный расцвет в XVIII в. Сегодня любые энциклопедии являются плодом объединения усилий специалистов самых разнообразных профилей, работающих в замкнутых рамках той научной дисциплины, которая стала предметом их профессиональной деятельности. Что касается гуманитарной области, то она только внешне долго демонстрировала уже утраченное единство, упорно создавая в университетах историко-филологические факультеты, хотя работавшие в них историки и филологи ставили перед собой несходные цели. Более того, с начала XIX столетия историческая наука начала создавать специальные дисциплины, которые стыдливо назывались и до сих пор продолжают называться *вспомогательными*.

Между тем каждая из таких дисциплин разрабатывает сложные исследовательские методики, требующие немалых усилий для овладения ими, вырабатывает свой «птичий» язык, понятный посвященным, и в результате замыкается в собственном кругу. Нумизматам не нужна текстологическая методика, которую виртуозно разрабатывают исследователи летописания, а исследователи летописания прекрасно обходятся без взвешивания старинных монет и сличения их штемпелей. Генеалоги находят свое рабочее место в архивах, из окон которых не видно, чем заняты археологи. Археологам же как будто ни к чему переступать пороги архивохранилищ: им достаточно музеев, хранящих мир материальной культуры прошлого. Подобный путь дифференциации переживает филология, в которой явно различаются исследовательские цели литературоведения и лингвистики, тесно соприкасающиеся лишь при изучении древнейших памятников письменности.

Я рассуждаю об этом достаточно профессионально, опираясь на собственный полувековой опыт научной работы. В детстве я увлекся *нумизматикой* и отдал ей студенческие и аспирантские годы, взвесив десятки тысяч восточных и западноевропейских монет IX–XI вв. и защитив в 1954 г. кандидатскую диссертацию о денежно-весовых системах древней Руси [1]. Однако, побывав впервые после окончания

первого курса на раскопках в Новгороде, я специализировался по русской средневековой археологии со всеми вытекающими из этого последствиями. Находки при раскопках в Новгороде свинцовых печатей средневековых должностных лиц заинтересовали меня настолько, что это привело не только к составлению их свода (третий том этого свода опубликован в 1998 г. [2], сейчас подготавливается издание четвертого тома), но и к решению в определенной степени на основе материалов *сфрагистики* существенных проблем истории политических институтов власти древнего Новгорода в докторской диссертации «Новгородские посадники», опубликованной в 1962 г. [3].

Открытие в 1951 г. первых берестяных грамот, чему я был не только свидетелем, но и участником (из десяти грамот 1951 г. семь были обнаружены на руководимом мною раскопе), их стремительное накопление в последующие годы (в сезоне 2001 г. в Новгороде найдена уже 917-я берестяная грамота) остро поставило проблему *генеалогии* боярских родов Новгорода, а также необходимость решения многих частных вопросов *исторической географии* Новгородской земли. Каждому из этих направлений посвящены монографические работы. При этом оказалось, что генеалогические наблюдения ложатся в основу истории землевладения, которое было экономической базой политического строя средневекового Новгорода [4], а материалы исторической географии вносят ясность в самое существо взаимоотношений крупнейших восточноевропейских государств XIV–XV столетий – Великого Новгорода и Литвы [5].

Столкновение результатов, добытых в рамках специальных исторических дисциплин, постоянно обнаруживало необходимость их корректировки, поскольку ограничение круга источников рамками однородного материала в любом случае ведет и к ограниченности результата их исследования. Мысль о том, что истина надежнее всего добывается на стыке наук или научных дисциплин, неизбежно приходит в голову в процессе уже назревшей интеграции наук, идущей на смену почти исчерпавшей себя дифференциации.

В этих мыслях я вполне солидарен с Николаем Петровичем Лихачевым, который еще на рубеже XIX и XX вв. успешно занимался нумизматикой и сфрагистикой, изучением филигранных и книжности, иконописи и еще многих исторических дисциплин. Николай Петрович умер, когда мне было семь лет, и я не мог быть его учеником, но я всю жизнь склоняю голову перед его памятью, почитая в нем одного из своих главных учителей в науке. Светлой его памяти я посвятил в 1970 г. издание свода древнерусских печатей.

Говоря о корректировании выводов на стыке дисциплин, я мог бы привести множество соответствующих примеров. Остановлюсь на двух, может быть, не самых ярких, но активно пережитых мною. В 1947 г. моя полевая практика началась на небольшом раскопе внутри новгородского Софийского собора, в подкупольной его части. За девятьсот лет его существования в нем неоднократно велись ремонты, на полы ложился строительный мусор, поверх которого настилались новые полы. В результате первоначальный пол оказался метра на полтора ниже ныне существующего. Казалось бы, при громадной высоте собора разница не столь значительная. Однако, стоя на древнейшем полу, я был потрясен только оттуда видной гармоничной стройностью пропорций храма, как бы летящего к невидимому небосводу. Я вспомнил это ощущение, читая в «Истории русского искусства» И. Э. Грабаря о разнице между стройной владими́ро-суздальской и приземистой новгородской архитектурой. Знаменитый художник и искусствовед писал о том, что новгородскому мужику, жившему среди болот и царапавшему сохой каменистую почву северных пашен, было не до красоты. Коренастые под стать мужику новгородские церкви никому не приходило в голову украшать затейливой резьбой, каким прославлено владимирское Ополье. Однако в результате работ археологов выяснилось, что «приземистость» новгородских церквей вызвана наслоениями культурного слоя. Когда слой был отгружен от стен храмов, к ним вернулась летящая стройность. Владимирские храмы выстроены из местного белого камня, легко поддающегося резьбе. Новгородцы же строили свои церкви из рыхлого ракушечника, а резьба, подобная владимирской, была в сотнях образцов обнаружена на деревянных предметах утвари и украшений жилища. Новгородец своими руками творил красоту, без которой не мыслил жизни.

Другой пример касается нумизматики. В 1420 г. новгородцы приступили к чеканке собственной монеты – серебряных денег. На протяжении более чем полустолетия, до ликвидации Москвой новгородской независимости, на этих монетах изображалась сидящая на троне женщина в короне и коленопреклоненный перед ней человек, который что-то получает от нее (или вручает ей?). Мой учитель Артемий Владимирович Арциховский доказал, что женщина в короне – святая София, покровительница Новгорода, но в коленопреклоненном человеке предположил чеканщика денег. Между тем оказалось, что изображение на новгородских монетах является репликой традиционного сюжета средневековых венецианских монет, на которых покровитель Венеции святой Марк вручает символы власти колено-

преклоненному дожу. Привлечение этого сюжета позволило наконец разглядеть, что именно святая София на новгородских монетах вручает коленопреклоненному человеку. Маленький миндалевидный предмет в ее руках может быть только щитом, то есть символом защиты вечевой власти, а принимающий этот символ человек – посадником Новгорода. Изучением новгородского посадничества было установлено, что в самом конце 1410-х гг. вечевая власть была реформирована, а ее главный орган уподоблен венецианскому сенату. Яркое осознание этого сходства выплеснулось в оформление типа новгородских монет.

Теперь о берестяных грамотах и их роли в процессе столь важной для нас всех интеграции. Обычно, говоря о значении открытия этого нового вида письменных источников, называют в первую очередь засвидетельствованную ими высокую степень грамотности средневековых горожан. Действительно, еще в середине XX столетия принято было говорить чуть ли не об их поголовной неграмотности. На самом деле не менее важный методический результат их открытия состоит в том, что они надежнейшим образом воссоединили интересы археологов и специализирующихся в изучении письменных источников историков. До их находки круг археологических задач был замкнут в специфической области: морфология предметов и развитие их форм во времени, технологическая рецептура изготовления этих предметов, отражение картины торговых связей в импортных вещах и т. д. Археологи имели дело хотя и с красноречивым, но по своей природе безмолвным миром материальных источников. Они могли сказать об изучаемом ими комплексе: «усадьба купца», «мастерская ремесленника-ювелира», «погребение воина-дружинника». Повторные же находки на одной усадьбе берестяных писем, адресованных одному и тому же лицу, создали возможность иначе формулировать атрибуцию раскапываемых комплексов. Мы теперь говорим: «Усадьба боярина Юрия Онцифоровича», «усадьба художника Олисея-Гречина», «мастерская кожевника на усадьбе боярина Луки Варфоломеевича». Грамоты позволили вписать уже не безымянного владельца усадьбы в круг его соседей, а по хронологической вертикали в круг его предков и потомков.

Открывшаяся возможность персонификации археологических комплексов более чем актуальна для истории средневековой Руси с ее источниковой бедностью. Причина этой бедности – главным образом бытовая. Наш предок жил в деревянном доме и в деревянном городе с его скученной застройкой, а именно города были средо-

точием письменной культуры. Постоянным неотвратимым бедствием наших городов была гибель от частых пожаров, сообщениями о которых пестрят страницы летописи. Следы пожаров на древних постройках так изобильны, что не будет большим преувеличением утверждать, что гибель от огня была нормальным концом любого средневекового деревянного строения. Вместе с домами горели книги и рукописи, иконы и предметы прекрасно украшенной утвари. Что не сгорело в XII столетии, догорало в XIII и т. д. В результате от всего домонгольского периода до находки берестяных грамот уцелело лишь три пергаменных листа, касающихся гражданской истории. Теперь в распоряжении исследователей более 450 берестяных грамот XI – первой трети XIII в.!

Источниковая бедность усугублялась избирательностью сюжетов наших летописей, древнейший список которых относится ко второй половине XIII в. Летописца привлекали нерядовые события и выдающиеся личности. Поэтому основная масса наших предков, если они не были князьями, полководцами или церковными иерархами, казалось, навсегда канула в Лету. Берестяные грамоты сообщили нам сотни имен, воскресив их носителей с их повседневными заботами, радостями и горестями. Расширение раскопок со временем способно дать материал для составления «адресных книг» средневековых новгородцев на разные хронологические периоды. Замечу, что знание характеристик сохранности и насыщенности культурного слоя Новгорода позволит утверждать, что в его недрах хранится не менее 20 тыс. еще не востребованных археологами берестяных текстов.

Изменилась и сама исследовательская археологическая программа. Нас теперь волнуют проблемы, бывшие прежде достоянием «чистых» историков. Как возник Новгород? В чем сущность его вечевого строя? Как этот строй преобразовывался и почему его постиг политический кризис? Теперь невозможно представить себе моих коллег-археологов без тома летописи или сборника средневековых актов в руках.

Второй важный в методическом отношении результат открытия берестяных грамот состоит в том, что оно свело за одним рабочим столом историков-археологов и лингвистов. Историки и филологи давно не работали вместе. Теперь же они не могут обходиться друг без друга. Одной из главных находок Новгородской экспедиции стал наш выдающийся лингвист академик Андрей Анатольевич Зализняк, активный участник раскопок на протяжении уже двух десятилетий. Соединение материалов археологии и лингвистики привело к формулированию важнейших результатов совместного исследования.

Оказалось, что древненовгородский диалект имеет восходящие к сугубой древности отличия от других восточнославянских диалектов, что указывает на истоки славянского расселения в новгородско-псковской области, идущие с южных берегов Балтики, т. е. с территории северных Германии и Польши. Следует напомнить, что на протяжении многих десятилетий в науке бытовал тезис о единстве всех восточных славян, якобы расселившихся с территории среднего Поднепровья. Новые наблюдения в корне меняют представление о путях сложения Древнерусского государства: оно образовалось в результате слияния и взаимного обогащения двух славянских традиций – среднеднепровской и новгородско-псковской.

Коснусь некоторых других примеров интеграции дисциплин. Из летописи было известно имя новгородского художника конца XII в. Гречина-Олисея Петровича, расписавшего фресками несуществующую ныне Пречистенскую церковь на воротах Детинца. На Троицком раскопе была обнаружена и изучена его усадьба. Впервые исследователям довелось побывать в мастерской средневекового художника. Но попутно выяснилось, что он был главой артели, расписавшей фресками самый значительный художественный ансамбль русского средневековья – храм Спаса-Преображения на Нередице 1198 г. [6]. Напомню совсем недавние сетования искусствоведов по поводу безымянности древней русской живописи, анонимность которой якобы никогда не будет преодолена.

Троицкий раскоп познакомил нас с серией грамот, адресованных отцу Олисея-Гречина Петру Михалковичу и написанных им. Об этом человеке было известно из летописей, что в 1155 г. он породнился с князем Юрием Долгоруким, отдав свою дочь замуж за сына Юрия – Мстислава. Это был очень важный политический шаг. Юрий, утвердившись на киевском столе, провел цикл примирительных акций с теми русскими землями, которые числил для себя враждебными. Союз с Новгородом был освящен брачными узами. Сотрудник нашей экспедиции филолог Алексей Алексеевич Гиппиус установил, что с актом этого бракосочетания связаны два самых знаменитых художественных предмета середины XII столетия – шедевр прикладного искусства серебряная причастная чаша, изготовленная мастером Костой, и главная святыня Новгорода – икона «Знамение Пресвятой Богородицы», с которой новгородцы вышли на бой с суздальцами и победили их в 1170 г. На обороте чудотворного образа изображены святые Петр и Анастасия, а в посвяtitельных изображениях причастной чаши сочетаются образы Петра, Марии и Анастасии. Марией

(Мареной), как это очевидно из берестяных грамот, звали жену Петра Михалковича, а Анастасия была их дочерью, ставшей невесткой Юрия Долгорукого [7].

Вот один из существенных примеров того, как интеграция ставших на время самостоятельными научных дисциплин способна высекать искру нового знания и освещать потаенные уголки нашего прошлого.

Мой рассказ был бы неполон, если бы я ограничился призывом к интеграции только гуманитарных дисциплин. Археология уже в силу особенностей своего основного, вещевого источника тяготеет к интеграции со многими отнюдь не гуманитарными науками. Основой датирования археологических комплексов давно стала дендрохронология. Ежегодное движение климата, его зависимость от изменения солнечной активности откладывает на стволах растущих на Земле деревьев годовичные кольца разной толщины. Чередование толстых и тонких колец причудливо и неповторимо для значительных отрезков хронологической шкалы. Совместные усилия археологов и ботаников позволили создать шкалу ежегодных характеристик климатических условий для многих столетий нашей истории. Каждое хорошо сохранившееся бревно из постройки или мостовой получает точную до одного г. порубочную дату, а это значит, что в толще хорошо сохраняющего дерево культурного слоя лежат многие сотни «говорящих» дат, истинность которых всякий раз может быть проверена датирующими находками: берестяными грамотами с именами известных исторических персонажей, находимыми здесь же монетами и свинцовыми печатями.

Совместные работы с ботаниками не только породили дендрохронологию, но и изучением злаков и сорняков в разных уровнях культурного слоя дали возможность воссоздать историю земледользования, установив характерный набор излюбленных сельскохозяйственных культур. Точно так же совместные работы с зоологами позволили выяснить состав средневекового стада домашних животных и главные объекты охоты и рыболовства в новгородских землях.

Изучение технологии изготовления древних предметов ремесленного производства требует обращения к спектрографу и разнообразным химическим анализам, а изучение производственного сырья – консультаций у геологов, минерологов, петрографов, металлургов. В качестве примера приведу исследование громадного свинцового слитка весом в 150 кг, найденного в Новгороде в слоях XIV в. Анализ рудной свиты свинца обнаружил, что металл этого слитка добыт близ

Кракова, что подтверждено и наличием на слитке клейм польского короля Казимира Великого. До этой находки о существовании польского ввоза свинца в Новгород известно не было [8].

Если мне удалось донести до вас важность интеграции, необходимость комплексного подхода к изучению источников, плодотворность использования всех разнообразных источников, имеющих хотя бы самое малое отношение к изучаемой проблеме, задачу своего сегодняшнего выступления я буду считать выполненной.

1. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

2. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1, 2; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. То же. М., 1998. Т. 3.

3. Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

4. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

5. Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

6. Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

7. Гиппиус А. А. К идентификации персонажей берестяных грамот середины XII в. усадьбы Е Троицкого раскопа; К атрибуции Новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 366–394.

8. Янин В. Л. Находка польского свинца в Новгороде // Советская археология. 1966. № 2. С. 324–328.